

ПЛАТОН БЕСЕДИН

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

РАССКАЗ

В такую жару лучше всего ехать троллейбусом. Иначе — не выжить. Душно, жарко. А в старом троллейбусе — почти благодать, столько щелей, что дует, кажется, отовсюду. Можно высунуть голову в окно, и так спастись от майских плюс тридцать.

Сколько же будет в июле? Раскочегарится солнце, приедут туристы, и станет вовсе невозможу. Туристы почему-то всегда приезжают в Севастополь в июле. Умирать от зноя, купаться в подогретом молоке Чёрного моря, покупать втридорога фрукты. Если и отдыхать в Севастополе, то в мае или в сентябре. Лучше, наверное, в сентябре. Потому что в мае вода ещё не прогрелась. Это мне вчера после водки казалось, что она прогрелась, а сегодня — заложенный нос и опухшее горло.

Но ехать всё равно хорошо. Дребезжа стёклами, скрипя рессорами, матерясь кондуктором, троллейбус ползёт в горку. Справа — кирпичное двухэтажное здание, увитое плющом. Слева — мой родной университет. К нему ведёт кипарисовая аллея, названная студентами “Дорогой жизни”; то ли из-за сессий, то ли из-за ветров. Раньше здесь был ларёк с книгами, а сейчас — гастрономы, бары и палатки с шаурмой.

Выхожу на улице Меньшикова. Фёдор Меньшиков сражался против фашистов и погиб в последние дни второй обороны Севастополя. Его нет в “Википедии”, — там только актёр Олег, князь Александр, писатель Михаил и рэпсер Андрей, известный как “Лигалайз”, — но он есть на кубическом

БЕСЕДИН Платон Сергеевич родился в 1985 году в Севастополе. Окончил Севастопольский национальный технический университет. Работал фотографом, сомелье, охранником, инженером-испытателем, маркетологом, копирайтером. Публиковался в журналах “Дружба народов”, “Бельские просторы”, “День и ночь” и др. В 2012 году в издательстве “Алетейя” вышел дебютный роман “Книга Греха”.

обелиске среди так называемых зеленых насаждений. Возле них сворачиваю на улицу Репина. Иду через дворы, мимо хрущёвки, на первом этаже покосившиеся буквы складываются в надпись “ГАСТРОНОМ”. Тут и, правда, был гастроном. Школьниками мы покупали в нём жареные пирожки с рисом и яйцом. Теперь здесь магазин живого пива и разливных вин.

У входа лужагут семечки мужики. Прикидывают, чем опохмелиться. Один — тот, что с деньгами — рвётся домой. Его держит мужик с Иисусом Христом на брюхе. Брюхо студенистое, изображение нечёткое. Да и сам мужик весь какой-то расхристаный.

Срочно опохмелиться, но не здесь. Пройти триста метров в кафе “Черноморочка”. На двери висит поздравление с Днём Победы, написано от руки красным маркером. За дверью — пустота с запахом рыбы. Барменша атакует сразу, не дав прицениться:

— Вам чего?

— Пива.

— “Рогань” или “Сармат”?

— “Рогань”.

— А “Сармата” всё равно нет, — пенная жижа медленно лезет в стакан. — К пиву бычков не желаете?

— Давайте.

Удивительная женщина: предложила бы кредит — взял бы.

Из-за рыбной вони пью на улице. Сворачиваю голову бычку, расслабляюсь. Ненадолго. Чужая рука — бледно-красная, взопревшая, точно креветка в супермаркете — на моей руке.

— Брат, дай на опохмел, а...

Рука-креветка принадлежит мужику в синей панаме. Лезу в карман, протягиваю мягые купюры, не успеваю рассмотреть номинал. Судя по тому, что мужик спокоен, номинал не велик.

— Спасибо, брат! С праздником! С Днём Победы!

— И вас.

После львовского пива и черноморских бычков отыскать нужный подъезд — не проблема.

Валерий Абрамович живёт на третьем этаже, квартира номер 24. Поднимаюсь быстро, чтобы не пропитаться миазмами сырости и мочи. На лестничной площадке, между вторым и третьим этажом, валяются шприцы. В пластиковых колбочках — остатки крови. Кровь и на стене, изрисованной свастиками.

Дверь, обитую старым кожзамом, открывает старик, высохший, сгорбленный, с коленями в разные стороны. На нём праздничный мундир, увешанный орденами, похожими на медяшки леденцов. Из квартиры прёт затхлостью.

— Алексей? — голос у старика тихий, усталый.

— Здравствуйте, Валерий Абрамович, с праздником вас!

— Спасибо, проходите...

Валерий Абрамович семенит вглубь квартиры. Обои на стенах бледно-жёлтые, чахоточные, точно у Раскольниковца в комнате-шкафе; углы отвоёвала чёрная плесень. Одна из стен занята полками с книгами: классика, философия, коммунизм, но больше всего книг о войне, вроде “Они сражались за небо” Покрышкина или “В походах и боях” Батова. Среди книг — небольшая бюст Сталина.

Рассаживаемся.

— Ну, — Валерий Абрамович старается устроиться в кресле поудобнее, — с чем пожаловали?

Повторяю то, что сказал ему в телефонной беседе. Задание главреда — подготовить материал о том, как ветераны встречают День Победы.

— Как встречаю? Сами видите... вот школьники приходили, — показывает на пять красных гвоздик в банке.

Надо было купить цветы. Почему не купил?

Валерий Абрамович говорит, будто извиняется. Теревит руками край застиранной скатерти. Руки у него в набухших венах, словно пластиковые трубки капельниц.

— Недавно жену схоронил. Прожили пятьдесят восемь лет, и схоронил. Умерла два месяца назад. Дочка приехала, говорит, давай, папа, к нам, — они с мужем и внуками в Саратове, — но я не хочу. Тридцать шесть лет прожил здесь, здесь и умирать. Быстрее бы...

— Ну что вы, Валерий Абрамович, вам ещё жить и жить...

— Это вам, молодым, жить. Вы, Алексей, женаты?

— Был...

Вспоминаю развод после года брака: упреки, обвинения, суд и жуткую бородавку — спелая чёрная шелковица, вся из крошечных гранул — на переносице судьи. Когда спрашивают — отвечаю стандартно: не сошлись характерами.

Но Валерий Абрамович не спрашивает. Он предлагает чаю, хочет встать. Руки и голова его трясутся. Успокаиваю, прошу сесть.

Надо было купить что-то к чаю. Почему не купил?

— Валерий Абрамович, расскажите, как воевали, пожалуйста.

— Да, да, конечно, — он мнётся, — мне только надо принять лекарство...

— Вам подать?

— Я сам, — он, скорчившись, поднимается, — пока сам.

Берёт с полки таблетку, глотает, запивает мутной водой из грязного стакана. Говорит:

— Пока вспомнил, потом забуду. Раньше Люсенька контролировала, а теперь некому. Учёт вела, — протягивает мне тетрадку, в ней записи мелким убористым почерком, — когда и что я принял. Вы о боевом пути спрашивали...

Валерий Абрамович медленно опускается в кресло. Бледнеет, вытягивает ноги толщиной с мою руку. Растирает колени, начинает рассказ.

Родился в селе Заплавное, под Сталинградом. Отца как “врага народа” арестовали в тридцать девятом. Отправили в посёлок Ягодное под Магаданом. Больше отца не видел. Двадцать второго июня стук в избу. Началась война.

Мать пошла санитаркой в госпиталь. Под него оборудовали школу. Стало негде учиться, решили собираться в амбаре. Читали, считали под керосинкой. Потом учителя, Абрама Яковлевича, арестовали.

Позже в Заплавном командировался полк. Прибился к солдатам. Пошёл добровольцем на фронт, в Сталинград. Голод, холод, руины, трупы. Всё время было светло, даже ночью. Непрерывно обстрелы и бомбёжка. Когда наши стали давить, потерял бдительность — контузило миномётным осколком.

Госпиталь. Смерд, крики. Негде хоронить трупы. Выздоровел, на фронт. Пленён под Данцигом. Четыре месяца в немецком концлагере. Питки, голод. Из полицаев особенно зверствуют мадьяры.

Когда фашисты поняли, что проиграли, стали расстреливать заключённых. Спас немец Пауль: вывел за ворота, думал, что ему зачтётся. Может и зачлось.

После фашистского плена — проверки на благонадёжность. Молодой лейтенант с усиками щёткой решил, что не благонадёжен. Вновь — концлагерь. Теперь уже родной. Восемь лет лагерей. Амнистировали при Хрущёве.

Женился, служил на флоте. Всё время переезды. Благовещенск, Куйбышев, Архангельск, Петропавловск-Камчатский, Хабаровск. Родились мальчик и девочка. Спать негде. Спят в чемодане. Много клопов. Коммуналки, коммуналки.

Потом, наконец, дали двухкомнатную в Севастополе. Эту. Демобилизовался из-за сталинградской контузии. Устроился работать в институт. Дочь вышла замуж, удачно, живёт в Саратове. Сын женился, неудачно, где-то на Севере.

Жили вместе с Люсенькой. Доживали. А теперь одному доживать. Без неё.

Для статьи вполне хватит. Выйдет на одной полосе с рекламой средства от геморроя или анонсом очередного целителя. Но лучше написать рассказ. Или повесть. Для себя. Для него. Хочется, требуется писать вновь. Спустя два года после клятвы не прикасаться к литературе.

Нет, я не забыл усмешек знакомых, издёвок жены, отказов журналов. Бессонницу, форточку, сигареты. Не забыл ощущения затравленности. Когда те, кто не смог выучить таблицы умножения и прочесть букварь, становились хозяевами жизни. И мне было пора, но я всё не решался, идеализировал, а потом уже и не мог.

— Неужели опять? Ведь обещал себе. Убеждал, доказывал, клялся.

Надо уйти, бежать от старика, избавиться от его прошлого, которое так настойчиво, как агент сетевого маркетинга, лезет в моё настоящее. А он, избавленный от одиночества, всё говорит. Наверное, принимает моё смятение за сочувствие.

— Днём, Алёша, тяжесть собственного тела, а ночью — тяжесть мыслей. И почему-то одна мерзость в голову лезет. Не спишь, ворочаешься. И всё как на ладони: что сделал плохого и чего хорошего сделать не смог...

Замолкает. Выражение лица становится ещё более извиняющимся.

— Простите старика — разоткровенничался, — всё понимает. — Вам, наверное, пора?

— Да, пожалуй, пора.

Поднимаюсь. Валерий Абрамович встать не может. Придерживая за локти, помогаю подняться. Он пахнет как застоявшаяся в раковине вода. Начинает подташнивать. Хочется быстрее домой, сидеть за бутылкой вина, расслабляться.

Холодильник “Минск” в прихожей шумит и мешает прощаться. Впрочем, тем легче — избавляет от необходимости быть многословным.

— Спасибо, Валерий Абрамович, — топчусь в дверях. — Выйдет заметка — пришлю. Или зайду...

— Лучше зайдите, — он смущается, — почта что-то плохо работает.

— Хорошо, зайду, а вы, — подбираю слова, — не болейте, держитесь. Здоровья, долголетия вам.

— Упаси Бог, Алёша, — отмахивается, — нет сил жить. Быстрее бы. Понимаете?

Он сжимает мне руку. Вздрагиваю от неожиданности. Руки у него сухие, холодные, безжизненные. Взгляд, наоборот, цепкий, пристальный, испытывающий. В нём читается ясная мысль, которой он живёт последние месяцы. Он давно всё решил для себя. Потому и отверг предложение дочери переехать.

— Понимаю, зайду...

Мои слова звучат как обещание. Чего-то более весомого, нежели просто зайти.

Улица, раскатывающая духотой и зноем. Будто ползёшь в свежесваренном киселе. Ничего кроме горечи во рту, мыслях, ощущениях.

От чего живу так бессмысленно? От чего изо дня в день малодушничая? Вечером уверяю себя, что надо быть сильным. Утром просыпаюсь, молось, ем — держусь. Но одна лишь мелодия, взгляд, и сломано всё прежнее, решительное. Чужое это всё, не моё, не со мной, не отсюда. И оцепенение, парализующее, убийственное. Подари, Господь, утешение. Или хотя бы Суд Твой. Чтобы быстрее всё это закончилось.

А ведь ему, старику, ещё хуже. И надо помочь. Он только того и ждёт. Потому и не спит. Вернуться — исполнить безмолвную просьбу. Не потом — сейчас.

Открывая дверь, он суетится с цепочкой. Наконец, справляется.

— Вы что-то забыли, Алексей?

Смотрит настороженно, будто вот-вот решится на нечто действительно важное. Пытаюсь улыбнуться.

— С праздником, Валерий Абрамович, — протягиваю букет полевых цветов, — давайте, может, чаю попьём, я печенья купил...

Из глубины квартиры приглушённо доносится: “Этот День Победы порохов пропах, этот праздник со слезами на глазах...”

И, правда, сегодня день победы. Теперь уже и моей.